

Стоило им обогнуть ширму в главном зале, как взору открылась напряженная сцена. Граф Уян с супругой уже восседали на почетных местах. Напротив, в кресле для гостей, устроился граф Юньань, позади которого стояли обе его жены: одна ядовито усмехалась, а вторая безутешно рыдала, размазывая по лицу слезы.

— Наш Сисчунь с малых лет воспитывался в строгости! — гремел старший брат У, заступаясь за обиженного юношу. — Разве мог он повести себя столь легкомысленно? Его оклеветали, и я, как старший брат, просто обязан был докопаться до правды. И что же? В покоях третьего молодого господина Аня мы обнаружили сонный порошок!

Старший брат У с силой швырнул на пол изъятый бумажный сверток.

— Проносить в благородное поместье эту подлую дрянь, которой пользуются лишь воры да разбойники... Каковы были его истинные намерения?!

Госпожа Чжан, равная жена графа Юньаня, бросилась к своему сыну и с плачем запричитала:

— Да будь в его комнате хоть тысяча таких свертков, это еще ничего не доказывает! Кто видел, как мой мальчик подсыпал зелье молодому господину У? Вы связали его и приволокли сюда через весь дом, точно преступника на плаху! Как нашему третьему молодому господину после такого позора людям в глаза смотреть?!

— А мне какое дело до его позора?! — вскипел старший брат У, едва сдерживая ярость. — О моем младшем брате вы подумали?! Как ему теперь жить после вашей подлости?!

Не помня себя от отчаяния, госпожа Чжан принялась трясти и колотить сына:

— Да заговори же ты наконец! Скажи им, что это не ты! Твой отец здесь, он не даст тебя в обиду, только скажи!

Третий молодой господин Ань был совсем еще юн. Побелев от ужаса, он мелко дрожал всем телом. Но стоило ему приоткрыть дрожащие губы, как стоявший рядом Ань Чжиюань с глухим стуком опустился на колени и сокрушенно воскликнул:

— Братец! Скрывать правду дальше я не могу. Ты затаил на меня злобу и подослал слугу с отравленным чаем — в этом я тебя не виню. Но зачем, зачем ты втянул в свои козни молодого господина У? Ведь он совершенно ни при чем, его репутация чиста!..

— Ах ты, мерзкий ублюдок! — взвизгнула госпожа Чжан, готовая вцепиться Ань Чжиюаню в глотку. — Кто вообще давал тебе слово?! С чего бы третьему молодому господину желать тебе зла? А уж молодого господина У он и подавно пальцем бы не тронул!

Ань Чжиюань лишь горько усмехнулся и промолчал. Вместо него ледяным тоном заговорила

стоявшая в стороне госпожа Чжао:

— Насколько мне известно, нашему третьему молодому господину не впервой строить козни старшему брату. Помнится, он был еще совсем крохой, когда разбил любимую вазу господина графа и без тени сомнения свалил вину на старшего молодого господина. И у кого только ребенок научился столь искусно лгать?

Семейные дразги в доме графа Юньаня походили на грязное, запутанное болото. Терпение старшего брата У лопнуло. Шагнув вперед, он бесцеремонно схватил за шиворот притавшегося за чужими спинами слугу и рявкнул:

— А ну говори! Что ты только что наплел моей супруге?! Повтори слово в слово!

— Я... я всё скажу! — заикаясь от страха, пролепетал слуга. — Это личный слуга третьего молодого господина... Он поменял чашку с чаем, которую я нес старшему молодому господину. Такое и раньше случалось, я подумал, что это очередная шалость, и не стал вмешиваться... Старший молодой господин выпил чай и почти сразу лишился чувств. А что было дальше, видит небо, я не знаю!

Супруга графа Уяна до боли сжала в кулаке шелковый платок:

— Вот оно! Сисчунь тоже поминал, что кто-то поднес ему чаю, после которого он провалился в беспамятство!

Когда все карты оказались раскрыты, граф Юньань больше не мог сохранять невозмутимость. Тяжело вздохнув, он поднялся со своего места и почтительно поклонился графу Уяну:

— Всему виной мое собственное упущение в воспитании детей... Своим недостойным поведением мерзавец запятнал честное имя вашего драгоценного гэера. Прошу вас, почтенный брат, подскажите, как нам уладить это дело к обоюдному согласию?

— Уладить?! — гневно перебил его старший брат У. — Да тут и думать нечего! Мы немедленно отправим этого паршивца под суд! Пусть вся столица узнает, что мой младший брат пал жертвой гнусного заговора и чист перед законом!

— Племянник, пощади, — граф Юньань торопливо утер выступивший на лбу холодный пот и заискивающе улыбнулся. — Этот негодный мальчишка совершил глупость, спору нет, но умоляю, пощади честь нашего рода... Наши семьи из поколения в поколение принадлежали к высшей знати. Негоже благородным господам из-за подобных недоразумений судиться в управе и гнить в темницах.

Граф Уян бросил строгий взгляд на своего вспыльчивого первенца, призывая его к молчанию, и неторопливо заговорил:

— Почтенный брат, уверяю, я вовсе не ищу повода для глупой вражды. Однако этот юноша — наш любимый младший сын, и у меня сердце кровью обливается при мысли о том, через что ему пришлось пройти. Если ты желаешь уберечь своего третьего сына от сурового императорского суда, то семейное наказание должно быть суровым вдвойне. Уж от домашней кары ему точно не уйти.

— Совершенно верно! — подхватил граф Юньань, видя лазейку. — Как только вернемся, я лично всыплю ему сотню ударов плетью... Нет, две сотни! Живого места на нем не оставлю!

— В этом нет нужды, — тихо произнесла доселе молчавшая хрупкая супруга графа Уяна, утирая слезы шелковым платком. — Зачем третьему молодому господину понадобилось вредить собственному старшему брату — нам всем прекрасно известно. Телесные наказания быстро забываются, шрамы заживут. А вот моему Сисчуню из-за этой гнусности, возможно, придется до конца дней сносить шепотки за спиной... Почтенный граф Юньань, если вы действительно раскаиваетесь, то вычеркните этого негодника из родовых книг. Лишите его всяких прав на наследство и титул. Только тогда мы согласимся предать дело забвению. В противном случае, даже если мой супруг станет возражать, я лично прикажу старшему сыну отвести преступника в управу!

«Какая решительность!» — изумился про себя Цзян Мэнчжэнь. Он скосил глаза на У Сисчуня — тот стоял, зажав рот ладонью и широко распахнув глаза, готовый от избытка чувств пуститься в пляс.

В зале вновь поднялся отчаянный крик и плач, но граф Юньань понимал, что ссориться с влиятельным семейством Уян ему не по силам. В конце концов он со вздохом кивнул, соглашаясь на жесткие условия. Услышав приговор, госпожа Чжан с глухим стоном рухнула на пол без чувств.

Справедливость восторжествовала, виновные получили по заслугам. У Сисчунь и Цзян Мэнчжэнь уже собирались тихонько выскользнуть из-за ширмы, как вдруг из залы донесся уверенный, чистый голос Ань Чжиюаня:

— Наше счастье, что старший брат У сумел докопаться до истины и очистить наши с молодым господином У имена. И все же людская молва безжалостна, домыслы и сплетни неизбежны, особенно после случившегося сегодня. Пользуясь тем, что мой отец и глубокоуважаемый граф Уян находятся здесь, я, недостойный, осмелюсь просить руки молодого господина У. Позвольте нам связать свои судьбы священными узами до глубокой старости и скрепить союз наших семей.

Лицо У Сисчуня мгновенно вспыхнуло пунцовым румянцем. Его затуманенный нежностью взгляд устремился сквозь резную ширму. Лишь когда Цзян Мэнчжэнь шутливо ущипнул его за щеку, юноша вздрогнул и пришел в себя.

— Похоже, не было бы счастья, да несчастье помогло? — тихонько поддразнил его Цзян Мэнчжэнь. — Наконец-то сбудется твое заветное желание.

Сгорая от стыда под градом насмешек, У Сисчунь схватил друга за руку и со всей силы потащил прочь, не желая, чтобы тот подслушивал дальше. Юноши со смехом побежали по садовым дорожкам, подгоняемые теплым весенним ветром. Цзян Мэнчжэнь, чья болезнь еще не прошла до конца, раскашлялся от быстрого бега, и перепуганный У Сисчунь принялся заботливо хлопать его по спине, помогая перевести дух.

Когда приступ кашля наконец утих, Цзян Мэнчжэнь нахмурился, вспомнив важную деталь:

— Послушай, а того слугу, который поднес тебе отравленный чай... Его ведь так и не нашли среди присутствующих?

— Скорее всего, он уже и след свой простыл, — беспечно отмахнулся У Сисчунь. — На празднике было столько гостей и слуг из самых разных поместий, разве всех упомнишь и проверишь?

— Твоя правда, — лукаво улыбнулся Цзян Мэнчжэнь. — Впрочем, когда станешь законным супругом в их доме, у тебя будет полно времени, чтобы во всем разобраться.

— Тебе бы только надо мной потешаться! — надул губы У Сисчунь. — Вот погоди, когда в поместье маркиза Цзянлин явится твой суженый, я тоже в долгу не останусь и посмеюсь от души!

— Что ж, тогда тебе придется смеяться над самим князем Цзинем! — парировал Цзян Мэнчжэнь.

Весна в саду клонилась к закату, ветер кружил хороводы из осыпающихся лепестков. Юноши неторопливо прогуливались по дорожкам, болтая обо всем на свете. В их душах царила тихая радость за будущее У Сисчуна, но к ней незаметно примешивалась легкая, светлая грусть об уходящих беззаботных днях.

У Сисчунь крепко сжал руку друга и негромко напел строки старинного стиха:

— Подняв бокал, молю восточный ветер помедлить, разделить со мной покой... Под ивами, у городских ворот на востоке Лояна, мы вновь стоим рука об руку, как прежде, исходяв все тропинки среди цветущих трав.

— Увы, мгновенья встреч и расставаний так быстротечны, и печали нет конца... В году нынешнем цветы пылают ярче, чем в минувшем. Но, ах, на следующий год они распустятся еще прекрасней — да только с кем я разделю их красоту? — подхватил Цзян Мэнчжэнь.

Они переглянулись. Оба понимали без слов: после свадьбы, под надзором строгих свекров, жизнь пойдет совсем иная. Не будет больше прежней воли, и им вряд ли удастся видаться так же часто и запросто, как в родительском доме.

Союзы между знатными родами никогда не заключались наспех. Помолвку справили на исходе весны, а к моменту, когда У Сисчунь со своим пышным приданым в десять ли красного приданого переступил порог поместья графа Юньаня, наступила середина осени. Но даже этот срок казался супругам Уян слишком коротким; они сокрушались о поспешности и жалели, что не могут подольше удержать любимого младшего сына под родной крышей.

Как бы то ни было, брак двух графских семей считался равным и достойным. В день торжества княгиня Цзинь, Цзян Мэню, вместе со своим младшим братом Цзян Мэнчжэнем приготовили щедрые дары и прибыли засвидетельствовать свое почтение. Граф Юньань лично встречал почетных гостей у главных ворот, рассыпаясь в любезностях:

— Ваше Высочество княгиня почтила своим присутствием скромное празднество в честь моего недостойного сына! Наш род бесконечно признателен вам за эту великую честь!

— Почтенный граф излишне скромен, — тепло улыбнулась Цзян Мэню. — Мой младший брат души не чает в вашем новом супруге. Он так долго умолял меня взять его с собой, что мне ничего не оставалось, кроме как явиться вместе с ним и потревожить ваше гостеприимство ради чарки доброго праздничного вина.

— О чем вы говорите! Визит столь благородных гостей — величайшая радость, о которой я смел лишь мечтать. Прошу вас, проходите во внутренние покои!

Служанки и няни почтительно сопроводили гостей в задние покои. По правилам приличия, Цзян Мэню из-за своего высокого статуса, а Цзян Мэнчжэнь как еще не обрученный гэр не могли пировать в переднем зале наравне с мужчинами. В женской половине уже собрались знатные дамы. Желая избежать скучных светских разговоров, Цзян Мэнчжэнь глазами указал сестре на видневшийся за окном сад. Цзян Мэню понимающе кивнула, но тихонько велела ему не уходить слишком далеко, чтобы успеть к началу свадебного обряда.

В передних дворах царило праздничное безумие, грохотали барабаны и звенели гонги, но здесь, в глубине усадьбы, царило блаженное безмолвие. До ушей Цзян Мэнчжэня лишь смутно долетали отголоски радостной музыки. Он невольно вспомнил прошлогодний праздник Середины осени, когда они с У Сисчуном сидели плечом к плечу перед театральными подмостками. У Сисчунь тогда наотрез отказался слушать шумную пьесу «Великое восхождение на престол», и они сошлись на лирической «Пионовой беседке». Могли ли они тогда представить, что встретят свою судьбу под сенью ив и диких слив?

Стоя в благодатной тени, он случайно бросил взгляд в глубь сада и замер. Шагах в тридцати, укрывшись за пористыми глыбами декоративного камня, стояли двое. Мужчина замер спиной к дорожке, загораживая свою спутницу — молодую миловидную девушку, чье лицо было мокрым от слез. Цзян Мэнчжэнь не расслышал их разговора, но заметил, с какой нежностью мужчина коснулся ее щек, осушая слезы. Юноша поспешил отвернуться, не желая подсматривать за чужими секретами, но сердце его внезапно сжалось от дурного

предчувствия: на незнакомце было надето алое подвенечное одеяние жениха.

— Молодой господин, стоило мне отлучиться за накидкой, а вы уже ушли так далеко! — раздался за спиной встревоженный голос подбежавшей Биянь. — Поспешим обратно, люди говорят, что свадебный паланкин уже появился на углу улицы!

Цзян Мэнчжэнь тихо отозвался и снова бросил взгляд в сторону камней. Но там уже никого не было — лишь ветер шуршал листвой, заставив его усомниться, не привиделось ли все это в полуденном мареве.

Настал черед главного обряда. Стоя по правую руку от сестры, Цзян Мэнчжэнь наблюдал за тем, как новобрачные совершают поклоны Небу и Земле. Облаченный в пышные свадебные одежды Ань Чжиюань казался на редкость статным и благородным юношей книжного склада. Он ни на миг не спускал глаз со своего суженого, чье лицо скрывала плотная красная вуаль. Каждое его движение дышало заботой: он то бережно поддерживал У Сисчуня под локоть, то едва слышно шептал подсказки, направляя его шаги. В этой трогательной нежности сквозила искренняя, глубокая преданность молодому супругу.

— Похоже, нашему молодому господину У достался заботливый и любящий супруг, — негромко шепнула Цзян Мэню, улыбнувшись брату. — Не грусти, когда придет время, я отыщу для тебя мужа еще краше и достойнее!

Обменявшись шутливыми репликами, они направились к пиршественным столам. За роскошным обедом Цзян Мэнчжэню пришлось вместе с сестрой беспрестанно обмениваться приветствиями и вежливыми фразами со знатными гостями. В этой праздничной суете тревожная сцена, увиденная им в уединенном уголке сада, постепенно стерлась из его памяти.

<http://bllate.org/book/19598/2002406>